

Л. НИКИТИН

НЕСКОЛЬКО НЕТРУДНЫХ ДНЕЙ

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

РЕКВИЕМ ПО БОРИСУ ГОРБОНОСУ

— Были бы только песни, — сказала Алла. — И это говорю я, «монополистка», — не много почему-то находится желающих исполнить песни, которые я пою. И все же песен не хватает — тут очень важно точно попасть в индивидуальность певца. У меня был целый период такого точного попадания — это когда мы работали с Александром Зацепиным. Но все проходит, мы пока расстались, правда, может быть, временно. Вы, наверное, заметили, что я почти не пою песен «маститых» композиторов, и здесь дело не в каком-то принципе, просто пока я у них не встретила песни, без которой не смогла бы жить на эстраде. Композиторы по-разному к этому относятся — некоторые говорят: «Ах, нет?! Ну так, чтобы я вас больше не видел». А вот Матвей Блантер, когда я честно призналась, что ни одна из предложенных песен мне не подходит, поскреб в затылке — добродушно так сказал: «Ну, слушайте, мне так нравится, как вы поете, давайте через полгодика встретимся — может, вам чего подойдет». Я чуть не расцеловала его — ведь это сказал один из классиков советской эстрады, такое не забудешь...

Мне хотелось бы сейчас свежести, новизны в песне — ее может написать совсем молодой, неизвестный композитор, песня может перерабатываться, переписываться десять раз, главное, чтобы в ней была «изюминка», было бы за что зацепиться. Мы ведь как с Минковым работали над «Не отрекаются, любя»? Песня буквально по крохам складывалась, и форма ее исполнения определилась уже на сцене, во время выступления. Зато сейчас я при ее исполнении чувствую себя абсолютно свободно — она позволяет и петь, и говорить, и даже, если хотите, кричать со сцены — и зритель все это прекрасно воспринимает.

И, конечно, тексты. «Не отрекаются, любя» — это Вероника Тушнова, но у меня в репертуаре сейчас песни на стихи Шекспира, Мандельштама, Кулиева, Цветаевой, Пастернака, Евтушенко. Это не случайность — это тенденция.

Есть у меня песня «Памяти Лидии Клемент» — зрители со стажем помнят эту прекрасную ленинградскую певицу, так безвременно умершую. Когда возникла идея написать эту песню, как-то сами из памяти всплыли полужакомые стихи:

«...Ленинград, я еще не хочу умирать, у меня телефонов твоих номера. Ленинград, у меня еще есть адреса, по которым найдут голоса».

Родилась песня, и надо сказать, что воспринималась она зрителями спокойно — ну еще одна, неплохая. Но в Ленинграде во Дворце спорта «Юбилейный» во время моего концерта с первых тактов музыки шесть тысяч зрителей встали и стоя слушали всю песню. У меня даже горло перехватило от волнения — потом мне рас-

сказывали, что билетерши в зале плакали. Произошло идеальное слияние поэзии, музыки и чувств зрителей.

Хотя, конечно, даже при идеальном сочетании текста и музыки, даже если песня мне очень нравится — иной раз я от ее исполнения с эстрады отказываюсь, передаю исполнителю, чья творческой индивидуальности эта песня более соответствует. Сегодня мы с дочкой Кристиной ехали из загорода и всю дорогу пели комсомольские песни 20-х годов. А с эстрады я их не пою, все больше о любви...

Меня часто спрашивают, почему большинство моих песен о любви? По моему, это самая многогранная тема — это как тест, проверка на многие человеческие качества. Может быть, из-за того, что я пою о любви, женщины воспринимают меня как свою, я пою от их имени. Мужчины — другое дело, они более насторожены, смотрят на меня со стороны, что ли. Наверное, они сразу чувствуют себя у меня под каблучком, — и Алла радостно смеялась.

— Но хороших песен отчаянно не хватает, — продолжала она. — Наверное, от отчаяния я и начала сама писать музыку, а иногда и тексты песен. Как говорится, шло в мешке не утаишь — это все равно стало известно. Пришлось открыть, что довольно длительное время под именем композитора Бориса Горбоноса скрывалась я сама.

Во время работы над фильмом «Женщина, которая поет» я написала несколько песен, поставив на них имя школьного товарища моего мужа — Борис Горбонос. Сделала я это потому, что принципиально не хотела своим именем влиять на мнение художника и было желание пройти весь путь, который проходит молодой, начинающий композитор. Песни были приняты, более того, композитору Горбоносу предложили написать и фоновую музыку для фильма. О том, как «Мосфильм» разыскивал Горбоноса через Агентство авторских прав — особый рас-

сказ. Я как-то до сих пор стесняюсь своего «композиторства», может быть, поэтому так долго это скрывала. Можно многое рассказать о том, как мы сочинили биографию Горбоносу, как снимали меня, загримированную «под Горбоноса», и показывали фотографию на студии — но это скорее уже из области анекдотов. А если серьезно, создание песен — это еще одна возможность для самовыражения, удовлетворение внутренней потребности.

Заговорили о фильме «Женщина, которая поет», готовящемся к выходу на экраны. Я вспомнил, что не очень-то внимательно следил за сюжетом, но вспомнил и то, как замолкал и пристально вглядывался в экран, когда начинала петь Пугачева.

— Кто знает, может быть, зрители в далеких городах, которые не могут прийти на мои концерты, поблагодарят меня за то, что я снялась в фильме. Фильм понравится не всем, но известность великой Эдит Piaф принесло участие в двух фильмах, отнюдь не являющихся шедеврами мирового кино. Это я больше для самоуспокоения, но шутки шутками, а после фильма я получила более десятка приглашений сниматься на различных студиях страны, однако вынуждена была ото всех отказываться — ничего эти роли мне не давали: ни как певице, ни как актрисе. Вместе с тем чувство, что мне есть что сказать зрителю и как актрисе, во мне живет постоянно. Пока в самой далекой перспективе проглядывается замысел нового фильма, где я, может быть, сыграю певицу... потерявшую голос. Интересно, не правда ли?

А песни из еще не вышедшего на экран фильма уже живут самостоятельной жизнью — часть из них вошла в альбом «Зеркало души».

Заговорили о грамзаписи, о росте ее влияния на популярность артиста.

— Не знаю, — сказала Алла, — я все-таки считаю грамзапись чем-то вроде фокуса, показанного по радио. По крайней

мере сейчас в основном записываю песни, уже «обкатанные» в концертах, — это как бы итог исполнения песни, а может быть, и финал ее исполнения. Знаете, каким тиражом вышла маленькая пластинка с записью «Арлекино»? 14 миллионов экземпляров. Шарль Азнавур за всю свою артистическую жизнь имеет такой тираж пластинок. Как говорится в одной из моих песен: «Хорошо-то, хорошо...» Но когда из каждого второго окна несетя одна и та же песня — это уже где-то за пределами искусства.

Я говорю Алле, что, по моим наблюдениям, в ближайшее время та же участь постигнет и «Зеркало души».

— Может быть, — соглашается Алла. — У всех перед глазами пример телевидения, где почему-то в особой моде старая песня «Очень хорошо». Что я только ни делала — и звонила, и писала в музыкальную редакцию, чтобы ее сняли с эфира. А результат? Помнится, ваша газета как-то объявила, что по итогам «Музыкального парада» песня «Сонет Шекспира» занимает первое место по популярности в Москве. В то же утро по телевидению шла программа «Утренняя почта», где ведущие зачитали письмо, как они сказали, «ноту протеста» — мол, почему так мало по ТВ показывают Аллу Пугачеву? «Мы учли эту просьбу, — сказали ведущие, — сейчас вы встретитесь со своей любимой певицей». Что же, вы думаете, они показали? Правильно — запись песни «Очень хорошо» трехлетней давности. Спасибо за такую популяризацию, хоть бы оговаривали, когда песня записана.

Возвращаясь к теме грамзаписи, нужно сказать, что очень хотелось бы выпустить чисто «студийную» пластинку с применением различных звуковых эффектов, использованием необычных инструментов, всего арсенала современной техники записи звука. Я очень завидую композиторам Зацепину, Тухманову, которые могут себе это позволить. С Давидом Тухмановым я бы очень хотела поработать вместе, в студии — наверное, это сотрудничество было бы плодотворным — пока же по каким-то причинам наши орбиты не пересекались.

Потом я вспомнил оторванную дверную ручку в квартире, свежие следы краски на лестничной площадке, покрывавшие написанные кем-то лозунги в честь Аллы, вспомнил исцарапанные теми же надписями «Жигули» и бесконечные звонки от людей, неведомыми путями узнавших номер телефона. Вспомнил рассказы Аллы о том, как подходят на улицах, какие толпы ждут после концертов. Спрашиваю:

— Не тяжело все это переносить, нет ли желания побыть хоть когда-нибудь с собой, с близкими людьми, стать незаметной, невидимой постороннему взгляду?

— Ничуть. Я лично не стыжусь своей популярности, рада ей, — ответила Алла.